

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БРИТАНСКОЙ ИНДИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

© 2011 С.А. Богомолов

Ульяновский государственный университет

Поступила в редакцию 02.06.2011

Предмет статьи – теоретическая дискуссия в британской прессе последней трети XIX века по проблеме регулирования межэтнических и межконфессиональных отношений в Британской Индии. Автор анализирует взгляды Ч. Дилка, У. Грегори, А. Лайэлла, Ф. Робертса на проблему установления баланса интересов между индусскими и мусульманскими кастами как на метод предотвращения межэтнических конфликтов.

Ключевые слова: Британская империя, Индия, колония, индуизм, ислам, пресса, межэтнические конфликты.

В последней трети XIX века Британская Индия проходила через сложный и противоречивый период развития. После подавления «великого мятежа» сипаев и ликвидации Ост-Индской компании британская администрация проводила политику комплексной модернизации экономической, политической и культурной сфер. В условиях британского колониального господства эти процессы приводили не только к разрушению индийского традиционного общества, но и к дестабилизации межэтнических и межконфессиональных отношений.

В отечественной литературе¹ традиционно преобладало весьма скептическое отношение к целям, методам и результатам британских реформ в Индии. При значительных научных достижениях индологов в области экономической, политической, социальной и культурной колониальной истории Индии следует отметить слабую изученность британских теоретических концепций управления многоэтническим обществом в главной колонии короны.

Так, С.В. Лурье полагает, что британская колония в Индии была малочисленна и ограничивалась задачами эксплуатации сырьевых ресурсов, контроля торговых путей и военно-стратегических позиций в Южной Азии. Психическая неспособность британцев к развитию культурных коммуникаций с индийцами вытекала из их самоощущения высшей расы. Это сочеталось с ощущением неизбежности ненависти туземцев к европейцам, тотального характера взаимных угроз. По мнению автора, в Индии сформировалось изолированное колониальное общество, неспособное к интеграции с местным населением и не ставящее задачу активного вмешательства в межэтни-

ческие отношения. Характерно, что еще в 40-е гг. XIX века в повседневной жизни англо-индийцы называли индийцев «ниггерами», игнорируя все их культурные достижения.²

Анализ первоисточников демонстрирует гораздо более сложную картину взаимоотношений британцев и индийцев. Все британские авторы соглашались с тем, что успешные реформы и сохранение стабильности в Индии возможны только при условии мирных отношений многообразных этнических и конфессиональных групп. Такой мир в свою очередь был возможен только при условии эффективного сотрудничества британской администрации с местными элитами. Это сотрудничество считалось возможным при получении представителями всех этнических и конфессиональных групп образования британского образца, заимствовании британской системы ценностей и способности включиться в общеперскую систему коммуникаций. В повседневном общении с «туземцами» белые «сахибы» сохраняли дистанцию, но не допускали открытой дискриминации по этническому или конфессиональному признаку.

Британские авторы учитывали различную степень готовности к модернизации и к сотрудничеству у различных этнических и конфессиональных групп. Позитивными результатами британских реформ в первую очередь воспользовались индусы, которые смогли выйти из-под многовекового подчинения правящим мусульманским династиям и нарушить в свою пользу межэтнический баланс. При формальном нейтралитете британская администрация ориентировалась на более модернизированную индусскую элиту, которая в итоге сумела получить доступ в государственный аппарат и в новую колониальную экономику. Эмансипация индусов была негативно встречена индийскими мусульманами,

Богомолов Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета. E-mail: Bogomolov_SA@mail.ru

которые теряли прошлые привилегии и все в большей степени становились дискриминируемым меньшинством.

Лидер радикального крыла либеральной партии Ч. Дилк считал, что политика британского правительства превращала Индию из конгломерата племен и народов в единую страну. Эта политика не должна выделять какие-либо привилегированные этнические, кастовые или конфессиональные группы. Британские реформы разрушали кастовую систему, которая усиливала децентрализацию и консервировала различные «фазы расовой жизни» – от суеверий примитивной первобытности до «спиритуальных идей» интеллектуалов. В результате реформ появилось чувство индийской национальной общности «среди горсти образованных людей» Индийского Национального Конгресса, которые все еще окружены «локальным патриотизмом» сельского населения.³ Дилк положительно оценил появление ИНК как естественное следствие британской политики, как организацию местного модернизированного интеллектуального класса. Явными достоинствами Конгресса являются его светский характер, непризнание этнических, кастовых и конфессиональных различий. Именно он должен стать главным средством формирования новой «гомогенной» Индии.⁴

В то же время Дилк доказывал, что в условиях обострения конфликтов этнических и конфессиональных групп выборы автоматически приведут к власти представителей численно преобладающих групп, т.е. индусов, и создадут режим дискриминации мусульманского меньшинства. Последнее, лишённое представительства в органах власти, будет отстаивать свои интересы насильственными средствами. Поэтому британская администрация должна сформировать квоты назначаемых депутатов в выборных органах и обеспечивать равное и пропорциональное представительство всех групп. При этом необходимо ориентироваться на индийцев, которые получили образование в колледжах и университетах британского типа, владеют английским языком и способны эффективно сотрудничать с колониальной бюрократией. Дилк выступал за управление Индийской империей с участием всех этносов и конфессий («туземных рас»). Но при этом он отметил рост богатства и образовательного уровня индусов. Состоятельные индусы получали образование в британских университетах, что обеспечивало их готовность использовать преимущества рыночной экономики и демократии. Для индусской элиты английский язык стал общеиндийским средством коммуникации, обеспечив её гегемонию в масштабе всего Индостана. Именно индусская элита способ-

на обеспечить такое «высокоразвитое управление аристократического типа», которое будет предпочтительнее «управления провинциальных групп на демократической базе».⁵

13 февраля 1880 г. на слушаниях в палате общин британские парламентарии подвели предварительные итоги формирования в Индии институтов представительской демократии, отметив их позитивную роль в стабилизации межэтнических и межконфессиональных отношений. Сэр Д. Уэддербурн положительно оценил опыт работы Законодательного совета Бомбейского президентства, в который входили 9 официальных членов, назначаемых губернатором (8 европейцев и 1 «туземец»), а также 4 неофициальных, т.е. выбираемых представителя «туземного» (индийского – С.Б.) населения. Британская администрация начала постепенно использовать представительский принцип и при формировании муниципалитета Бомбея: из 64 членов 16 назначались губернатором, 16 избирались коллегией судей, а 32 избирались населением. Как европейцы, так и индийцы получали избирательные права при условии уплаты определенной суммы прямых налогов.

Уэддербурн считал, что в Бомбее «муниципальная конституция» более популярна, чем в других частях Индии, в силу опережающих темпов экономического развития индусской общины. Британский парламентарий констатировал ведущую роль индусских лидеров в развитии демократических институтов. Генерал-губернатор лорд Минто при своем назначении в 1807 г. говорил о взаимном непонимании европейцев и «туземцев», о кардинальном различии их языков, образа мышления, мотивов и намерений. А в 1869 г. вице-король лорд Мэйо утверждал необходимость консультаций с «туземцами» как средства обеспечения взаимопонимания и использования способностей местных элит для помощи англо-индийскому правительству в развитии страны. В своем выступлении в палате общин Уэддербурн процитировал адрес главного судьи Мадраса сэра Ч. Тэрнера, прочитанный на ежегодном собрании колледжа президентства, в котором подчеркивалась важность «принципа консультаций с туземцами». Судья считал необходимым постепенное улучшение поведения туземцев до уровня, когда они окажутся в состоянии участвовать в работе представительских органов власти.⁶

Э. Стэнхоуп отметил в своем выступлении, что все англичане стремятся к максимальному распространению представительских институтов, но призвал учитывать, что Индия не является страной одного народа. Это «конгломерат» различных народов, каст и религий, между ко-

торыми нет взаимосвязи. Во всей Индии удалось сформировать 894 муниципалитета, которые управляли населением в 12 млн. человек, что в масштабах страны являлось ничтожно малой величиной. Для дальнейшего распространения демократических институтов необходимо перевести соответствующие нормативно-правовые акты на местные языки и разослать их чиновникам в советы дистриктов. «Европеизированные туземцы» часто заимствовали европейские идеи, они воспринимали мир «скорее глазами европейца, чем туземца», и поэтому не имели симпатии и авторитета в массах. Выборы в депутаты «простых туземцев» были затруднены из-за невозможности их переезда в города на постоянное местожительство, что было связано с неприемлемой сменой климата и бытовых условий.⁷

Сэр Дж. Кэмпбелл согласился с мнением коллеги. Он подчеркнул, что даже у индусов, получивших европейское образование, заимствованные европейские идеи часто приобретали «карикатурный характер». Он отстаивал необходимость распространения институтов представительской демократии и среди мусульманского населения, где можно было использовать демократические традиции уммы. Так в Пенджабе, где, по его мнению, проживает самый «энергичный народ» в Индии, институты местного самоуправления существовали со времен завоевания Александра. Сформировавшиеся позже мусульманские политии также отличались демократическим характером и основывались на принципе равенства людей. В свою очередь индусские государства в момент британского завоевания по уровню своего развития соответствовали средневековым европейским королевствам, и их правители подчинялись контролю военных сословий «рыцарей». Следующим этапом развития представительских институтов Кэмпбелл считает не столько развитие «великих муниципалитетов» Калькутты и Бомбея, сколько распространение подобных форм на низовом уровне с целью удовлетворения повседневных нужд народных масс, строительства школ, дорог и т.д.⁸

Британский главнокомандующий в Индии Ф. Робертс полагал, что межэтнические и межконфессиональные конфликты являются главной угрозой британскому правлению. Он отметил, что «во время первых лет нашего правления в Индии индусы и мусульмане были расположены молчаливо с ним соглашаться – благословение отдыха и мира после длительных ссор и анархии было слишком реальным, чтобы не цениться, но время шло, и появилось новое поколение, которое забыло прошлые бедствия, которое было реально обижено и беспричинно недо-

вольно, которое было готово предъявить обвинения за их реальные или выдуманные несчастья своим иностранным правителям». Робертс предостерегал против чрезмерного доверия к внешне лояльным мусульманам. «Мусульмане обращаются назад, к дням их империи в Индии, но отказываются вспоминать, как индусы взяли верх до тех пор, пока мы не разрушили державу маратхов. Их муллы учат их, что для истинного мусульманина законно подчинение правлению неверного, если нет возможности для успешного восстания, и они ожидают шанса, когда снова станут способны восстановить исламское превосходство. Индусы в свою очередь не могут забыть, как они изгоняли мусульман, и они воображают, что судьба британского раджа может зависеть от их благодарности».⁹

Известный «исламофил» и критик британской имперской политики У.С. Блант возражал против «исламофобии» Робертса и других представителей военной администрации. Блант различал две группы индийских мусульман. На западном побережье, в Бомбейском президентстве и на Цейлоне осели потомки арабских мореплавателей и торговцев, которые выполняли «двойную миссию пропаганды веры и зарабатывания денег». Эти мусульмане отличались успехами в коммерции, ремесле, были достаточно богаты, но в то же время были «старомодны» и мало интересовались западными идеями. Другую часть индийской уммы составляли потомки тюркских завоевателей, которые проникали в Индостан с севера на юг. Мусульмане внутренних дистриктов Мадрасского президентства были потомками «крайней волны завоеваний Моголов на юге». После ликвидации мусульманской власти эти военнослужащие из оккупационных гарнизонов, неспособные ни к торговле, ни к ремеслу, изолированные от местного индусского населения, стали беднейшей общиной Южной Индии. Блант не видел перспектив для их «тяжелой, но неизбежной судьбы» и считает закономерным и естественным их превращение в безземельных батраков и подмастерьев.¹⁰

В отличие от своих южных единоверцев мусульмане Северо-западной Индии готовы к борьбе за восстановление утраченных позиций. Блант видел их силу в сохранении «стандартов чести» и «гордых инстинктов», а слабость – в «предубеждениях и ординарности средств жизни». После британского завоевания и ликвидации туземных армий мусульмане потеряли возможность военной службы. Не имея письменных документов, они теряли права на землю, а не желая учиться в новых светских школах, не могли овладеть английским языком и теряли места в административных органах. Но мусуль-

мане считали, что, приняв титул императрицы Индии, королева Виктория тем самым приняла на себя ответственность за благосостояние своих мусульманских подданных. Они требовали исправления несправедливости британских чиновников, которые конфисковали земли, потому что ошибались в титулах землевладельцев. Мусульмане считали неприемлемым использование доходов с их бывших земель для финансирования школ, в которых учились только дети индусов. «Интеллектуально равные и морально превосходящие своих соседей мусульмане верхней долины Ганга не забыли, что совсем недавно администрация Индии была в их руках». Блант считал «неумной» британскую политику дискриминации мусульман, которая увеличивала их «подавленную энергию». Он выступал против обвинений мусульман в фанатизме и требовал лучше учитывать особенности их мировоззрения. Мусульмане привыкли к авторитарной и в то же время патерналистской власти и поэтому в отличие от британцев ожидали от правительства заботы и внимания, воспринимая его как «фонтан авторитета и власти». Они воспринимали политические и религиозные институты как тождественные и поэтому не понимали индифферентности британской администрации и к своей, и к чужим религиям. Блант отстаивал необходимость рационального реформирования мусульманского права. Он различал среди реформаторов партии «крайних инноваций» и «умеренных действий», причем их соперничество становилось «знаками здоровой жизни».¹¹

Губернатор Северо-западных провинций А. Лайэлл считал, что британские реформы стали одной из причин обострения межконфессиональных конфликтов и они же помогут их прекратить. Развитие средств транспорта и связи повысило уровень территориальной мобильности и интенсифицировало контакты между индусами и мусульманами. Это вызвало рост уровня консолидации общин. Ускоренная циркуляция информации о взаимных обидах стала одной из причин роста конфронтации. Автор считал главной не религиозную, а политическую основу конфликта. Рост мусульманской оппозиции происходит не из-за «диспутов об убийстве коров», а из-за их стремления к власти с целью прекращения доминирования индусов в Индийской гражданской службе и в Законодательных советах при вице-короле и губернаторах.

Лайэлл подчеркнул, что королевская прокламация 1858 г. запрещала британской администрации вмешиваться в отношения между религиозными организациями. По его мнению, британское правительство в Индии является

единственным правительством в мире, кроме США, которое «практикует полную религиозную нейтральность» и таким образом способствует «постепенной релаксации кастового правления». Губернатор предложил рассчитывать на естественный ход вещей, экономическое развитие, повышение уровня жизни, секуляризацию социальной и культурной сферы. В Индии британская администрация обеспечила ослабление «внешнего политеизма мобильностью современной жизни», создав предпосылки того, что «реформы и распад древней религиозной структуры индийского общества освобождают место для цивилизации на секулярном базисе».¹²

Губернатор Цейлона сэр У. Грегори не полагался на естественное развитие событий и предлагал комплекс целенаправленных мероприятий для обеспечения баланса интересов индусов и мусульман. Как известно, мусульмане являлись основой правящего военно-политического слоя в период правления династии Моголов. Их влияние было в наибольшей степени подорвано в ходе британского завоевания, а последовавшие в ходе подавления восстания сипаев репрессии окончательно превратили индийских мусульман в дискриминируемое меньшинство. Образовался межконфессиональный перекокс, причем чрезмерно усилившаяся индусская элита сознательно провоцировала мусульман на вооруженное сопротивление и беспорядки.

В то же время автор подчеркнул лояльность мусульман к британской короне. Для них характерно уважение к силе, и британская военная мощь стала достаточным основанием, как для легитимации новой власти, так и для осознания мусульманами своей зависимости от нее. Эта конфессия в Индии явно предпочитает иметь дело с британскими, а не с индусскими чиновниками, которые относились к ним так же презрительно, как и к индусским низшим кастам. У. Грегори заметил, что мусульманские газеты заметно отличаются от индусских своим пробританским тоном. Хайдарабад и другие города с преобладанием мусульманского населения безопасны для европейцев в любое время суток. Вице-король лорд Дафферин (1884-1888) начал преодолевать этот межэтнический дисбаланс. Он допустил мусульман в медицинскую службу, организовал в университете Мадраса изучение арабского и персидского языков. Навстречу индийским мусульманам пошла лондонская туристическая фирма Т. Кука, обеспечившая транспорт и питание для ежегодного хаджа 8-10 тысяч паломников через порты Индии в Мекку. Ф. Робертс использовал высокий уровень военной подготовки мусульман, комплектуя из них кавалерию для пограничной службы.¹³

У. Грегори полагал, что классическая имперская формула «разделяй и властвуй» устарела в Британской империи в XIX веке и что империей нельзя больше управлять, натравливая один народ на другой. Современная система управления коронными колониями требовала соблюдения баланса интересов и влияния всех этнических и конфессиональных групп. Это управление больше не могло основываться исключительно на экономической эксплуатации или на военной силе. Британцы могли сохранить власть в коронных колониях, только доказывая превосходство уровня развития своей цивилизации. «Наше управление Индией в сущности управление престижа, веры в наши огромные ресурсы, справедливость, способность управлять, и, если эта вера будет разрушена, рука власти будет парализована. Все великие материальные улучшения, увеличившие ресурсы Индии, скорее уменьшат, чем увеличат этот престиж».¹⁴

В целом все британские теоретики положительно оценивали результаты британского управления Индией в последней трети XIX века. В этот период британская колониальная бюрократия сумела ликвидировать архаические институты Ост-индской компании и получить осязаемые результаты реформ в экономике, политической и социальной сферах. В то же время высокая степень дифференциации индийского общества обуславливала неоднозначность результатов модернизации. Как британские, так и индийские авторы полагали, что все трудности можно преодолеть через формирование индийской элиты, лояльной к британской власти и способной играть роль системной оппозиции.

Но при этом британцы столкнулись с непредвиденным результатом своей колониальной политики – с нарушением межэтнического баланса и с ростом индусско-мусульманских

конфликтов. В новых условиях британцы поставили две задачи. Во-первых, нужно было обеспечить эффективное управление колонией и организовать эксплуатацию ее сырьевых ресурсов, а это можно было сделать только с помощью индусской элиты. Во-вторых, было необходимо восстановить межэтнический баланс, а это требовало проведения протекционистской политики в отношении мусульманской общины. Нетрудно заметить, что эти задачи являются взаимоисключающими и их одновременное решение невозможно в принципе. В течение второй половины и первой половине века индусско-мусульманские отношения в Индии постоянно обострялись, и в итоге на месте Британской Индии возникли два независимых государства – Индийский союз и Пакистан.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Володин А.Г. Индия: становление институтов буржуазной демократии. М.: Наука, 1989; Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1997; Рыбаков Р.Б. Буржуазная реформация индуизма. М.: Наука, 1981.

² Лурье С.В. Указ. соч. С.298.

³ Dilke C.W. Problems of Greater Britain. L.: Macmillan, 1890. Vol.2. P.97.

⁴ Dilke C.W. Op. cit. P.136-144.

⁵ Dilke C.W. Op. cit. P.110, 121-122.

⁶ Hansard Parliamentary Debates, ser. 3, vol. 250, cols. 593-597.

⁷ Hansard Parliamentary Debates, ser. 3, vol. 250, cols. 600.

⁸ Hansard Parliamentary Debates, ser. 3, vol. 250, cols. 602-603.

⁹ Roberts. Forty-one years in India. From subaltern to commander-in-chief. L.: Macmillan, 1900. P.231-232.

¹⁰ Blunt W.S. Ideas about India. III. Mohammedan Question // The Fortnightly Review. November 1884. P.629-631.

¹¹ Blunt W.S. Op. cit. P.632-637.

¹² Lyall A. India under Queens Victoria // The Nineteenth Century. June 1897. P.880-881.

¹³ Gregory W.H. The Loyalty of the Indian Mohammedans // The Nineteenth Century. December 1886. P.890-895.

¹⁴ Gregory W.H. Op. cit. P.899.

THE THEORETICAL BASES OF THE REGULATION OF INTER-ETHNIC AND INTER-CONFESSIONAL RELATIONS IN THE BRITISH INDIA IN THE LAST THIRD OF XIX CENTURY

© 2011 S.A. Bogomolov

Ulyanovsk State University

The subject of the article is the theoretical discussion in the British press of the last third of the XIX century on the problems of the regulation of the inter-ethnic and inter-confessional relations in the British India. The author analyzed the views of C.W. Dilke, A. Lyall, F. Roberts, W.H. Gregory, who appreciated the establishment of the balance of interests between Hindu's and Mussulmen's castes as a method of preventing of the inter-ethnic conflicts.

The key words: British Empire, colony, India, Hinduism, Islam, press, inter-ethnic conflicts.

*Sergey Bogomolov, Candidate of History, Associate Professor,
Theory and History of State and Law Department.
E-mail: Bogomolov_SA@mail.ru*